

А. И. МОЛОК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 ГОДА

Изучение истории революции 1830 г. во Франции ведется уже давно. И тем не менее вопрос о причинах и предпосылках этой революции, о политической обстановке в стране в период, непосредственно предшествовавший революционному взрыву, исследован еще явно недостаточно. Буржуазные историки обычно очень поверхностно характеризуют причины и предпосылки Июльской революции, считают ее какой-то случайностью, не видят ее исторической закономерности и неизбежности. Они недооценивают остроту экономической депрессии, усугублявшей бедственное положение и усиливавшей революционные настроения трудящихся масс, их активную политическую роль в назревавших событиях. Сводя все (или почти все) к ошибкам и просчетам правящих кругов, буржуазные историки пытаются доказать, что если бы Карл X и его министры проявили дальновидность и проницательность, монархия Бурбонов могла бы надолго укрепиться в стране.

Между тем внимательное изучение истории Франции в период Реставрации (1814—1830 гг.) показывает, что на всем его протяжении народные массы, а также демократические слои буржуазии и передовые круги интеллигенции неоднократно — то в одной, то в другой форме — проявляли свое враждебное отношение к правительству дворянской, клерикальной и полуабсолютистской реакции, к династии, дважды восстановленной войсками иностранных интервентов, к режиму, принесшему ухудшение материального положения трудящихся и мелких собственников города и деревни. Все это создавало в стране почву для сильного недовольства монархией Бурбонов. Весьма остро оно сказалось в первые годы Реставрации, особенно в 1815 г., когда волна антидворянских выступлений городской демократии и крестьянской массы позволила Наполеону с такой легкостью вновь захватить власть. Бурный характер носили народные волнения 1816—1817 гг., направленные одновременно и против скупщиков хлеба, и против иностранных оккупантов, и против королевского правительства. В начале 20-х годов, особенно в связи с принятием реакционного избирательного закона 1820 г., еще более укрепившего господствующее положение старой землевладельческой аристократии, а затем в связи с военной интервенцией Франции против революционной Испании в 1823 г., выступления передовых слоев французского народа против правительства Реставрации едва не привели к революционному перевороту; он не произошел главным образом вследствие ошибочной тактики карбонариев и их оторванности от широких масс.

Экономическое развитие Франции ослабляло значение той социальной группы, на которую прежде всего опиралось правительство Реставрации, — дворянской аристократии, и укрепляло позиции нового, растущего класса — крупной буржуазии. Революция подготавливалась и напряженной борьбой прогрессивных мыслителей против идеологических защитников реакционного режима Бурбонов.

В июльские дни 1830 г. ненависть простых людей Франции к монархии Бурбонов и к стоявшим за ее спиной бывшим белоэмигрантам, иезуитам, реакционным помещикам прорвалась наружу с огромной силой, привела к массовому вооруженному восстанию в Париже, к революционным демонстрациям и уличным боям во многих промышленных городах. Именно эта революционная активность масс и обеспечила столь быстрое (в три дня) свержение правительства Карла X. Но незрелость и неорганизованность рабочего класса, обусловленные незавершенностью промышленного переворота, слабость мелкобуржуазных республиканских групп и позволили умеренно-либеральным кругам крупной буржуазии удержать в своих руках гегемонию в движении, не допустить углубления революции, установления республики, решительной демократизации общественного и государственного строя Франции.

И все же шаг вперед в развитии французского общества был сделан. Буржуазная революция 1830 г. способствовала ускорению экономического развития страны и дала толчок общественному движению, которое привело в дальнейшем к буржуазно-демократической революции 1848 г. Вместе с тем Июльская революция нанесла серьезный удар реакционной системе Священного союза.

Изучая выступления масс в период Реставрации, мы замечаем одну важную особенность: демократическое движение того времени было почти слито с либерально-буржуазной оппозицией, еще не обособилось от нее, не приобрело последовательно-республиканского характера. Рабочий класс — главный оплот демократического движения — еще не стал в то время самостоятельной политической силой.

Следует иметь в виду, что доступные нам исторические источники (газеты, брошюры, памфлеты, письма, дневники, мемуары современников и т. д.) содержат весьма скудные сведения о народных выступлениях, зато очень подробно освещают «кризис верхов» и «левение» буржуазии. Архивные документы, которые могли бы расширить наши представления о массовом движении во Франции того времени, до сих пор разработаны еще недостаточно.

1

Вторая половина 20-х годов XIX в. была временем подъема общественного движения во Франции, направленного против политики открытой реакции, которую проводило правительство Карла X. Уже законы 1825 г. — о выплате бывшим эмигрантам миллиарда франков денежного возмещения и о наказаниях за проступки против религии и церкви — вызвали возмущение в стране. Экономический кризис 1826—1827 гг. и промышленная депрессия последующих лет еще более усилили недовольство народных масс, а также оппозиционных слоев буржуазии. В апреле 1827 г. в Париже произошли трехдневные волнения; рабочие из предместья Сен-Марсо заявляли, что возьмутся за оружие, чтобы «повторить день 10 августа 1792 г.»¹. 24 августа 1827 г. во время грандиозной демонстрации на похоронах либерального депутата Манюэля среди многотысячной толпы распространялись рукописные воззвания с призывом двинуться в центр Парижа, к зданиям правительственных учреждений. Один из участников этой демонстрации возвращался с похорон в твердом убеждении, что «достаточно одного толчка плечом, чтобы свергнуть Бурбонов»². Полгода спустя, 19—20 ноября, в связи с победой либеральной оппозиции на выборах в палату депутатов на улицах Парижа произошли антиправительственные демонстрации, в рабочих кварталах Сен-Дени и Сен-Мартен были построены

¹ В. А. Бутенко. Перелом в истории реставрации. — «Анналы», т. III, Пгр., 1923, стр. 87—88.

² Duvergie de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire en France, t. IX. Paris, 1861, p. 300—304.

баррикады, разыгрались кровопролитные схватки с полицией и войсками³. Революционные выступления происходили и в провинции⁴.

1828 год, начавшийся отставкой реакционного министерства графа Виллеля и переходом власти в руки роялистов-конституционалистов во главе с графом Мартиньяком, прошел в общем спокойно. Но углубление экономической депрессии вызвало новый рост недовольства трудящихся. При этом даже тогда, когда недовольство непосредственно вызывалось экономическими причинами, оно выражалось в действиях, враждебных не только предпринимателям, но и правительству. «Долой фабриканта! Долой Матагрена!», — кричали рабочие в г. Тараре 8—9 ноября 1829 г., возмущенные попыткой хозяев удлинить рабочий день. К этим возгласам присоединялись и политические требования: «Да здравствует республика! Да здравствует Французская революция! Долой комиссара!»⁵.

Политический характер приняли и волнения, вспыхнувшие в связи с дороговизной хлеба в мае 1829 г. Так, 4 мая в Сен-Жермен-ан-Лэ (городок вблизи Парижа) рабочие прошли по улицам, восклицая: «Да здравствует император! Да здравствует республика! Долой Карла X! Хлеба за три су!» Один из участников шествия нес высокий щит, на конце которого были прикреплены три платка: синий, белый и красный, что производило впечатление трехцветного флага. Отряд жандармов разогнал демонстрантов⁶.

Настойчивые утверждения многих представителей власти, а также большинства позднейших буржуазных историков, будто рабочие мало интересовались тогда политикой⁷, не соответствовали действительности. Более наблюдательные чиновники не разделяли этого мнения. «Простой народ, — писал в своем донесении от 5 января 1829 г. префект департамента Роны, — решительно не обнаруживает никакой склонности к монархии»⁸.

2

Новый поворот политики правительства вправо, выразившийся в том, что 8 августа 1829 г. умеренно-либеральное министерство графа Мартиньяка было заменено ультрароялистским кабинетом во главе с князем Полиньяком — одним из самых реакционных представителей дворянской аристократии, резко обострил недовольство в стране.

Биржа ответила на приход к власти крайних монархистов понижением курса государственной ренты на 4 фр. Кое-где даже началось изъятие вкладов из банков⁹.

Либеральная газета «Figaro» вышла 10 августа в черной рамке; редакция заявила, что в предстоящий 10 ноября праздник в честь короля «все дома Франции должны вместо иллюминации одеться в траур»¹⁰. За эту статью суд приговорил редактора-издателя газеты к шести месяцам тюрь-

³ «La Gazette des Tribunaux», 5.IV.1828.

⁴ H. Contamine. La révolution de 1830 à Metz. — «Etudes sur les mouvements libéraux et nationaux de 1830». Paris, 1932, p. 56—57.

⁵ «Les patrons, les ouvriers et l'état. Le Régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. Recueil de textes, publiés pour la Société de l'histoire moderne et contemporaine par Georges Bourgin et Hubert Bourgin», t. III. Paris, 1941, p. 234.

⁶ «La Gazette des Tribunaux», 6.V.1829.

⁷ «Le Régime de l'industrie en France de 1814 à 1830», t. III, p. 248 (бюллетень полиции Монбризона от 7 апреля 1829 г.), p. 268 (донесение里昂ского прокурора от 25 июня 1830 г.).

⁸ В. А. Бутенко. Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху реставрации. — «Сборник статей и этюдов из всеобщей истории». Пгр., 1923, стр. 278.

⁹ «В Невере, — отмечал 10 августа 1829 г. в своем дневнике маршал де Кастеллан, — капиталисты из страха изымают свои деньги у банкиров». — «Journal du maréchal de Castellane 1804—1862», t. II. Paris, 1895, p. 297.

¹⁰ E. Hatin. Histoire politique et littéraire de la presse en France, t. VIII. Paris, 1861, p. 512—513.

мы и к штрафу в 1 тыс. фр. Траурный номер был запрещен, но успел разойтись в количестве 10 тыс. экземпляров.

Газета «*Journal des Débats*», один из наиболее умеренных органов либеральной оппозиции, напоминала о контрреволюционном прошлом главы кабинета — князя Полиньяка, министра внутренних дел графа Лабурдонна, военного министра графа Бурмона и предостерегала правительство против покушения на хартию. Статья заканчивалась словами: «Несчастливая Франция! Несчастный король!»¹¹. Редактор газеты поплатился за эту статью шестью месяцами тюрьмы и штрафом в 500 фр.

Представители либеральной оппозиции предсказывали неизбежность революции. Ламартин писал 16 августа своему другу графу де Вирье: «Говорю тебе, между нами, что начинаю теперь верить в возможность революции, которая унесет династию, а еще вчера я не верил в это. Объявление войны среди полного мира отделяет от короля общественное мнение и а ц и и (в либеральном смысле этого слова), подобно тому, как топор отделяет кору от дерева, так что ее уже нельзя снова приклеить к нему»¹².

О настроении широких масс населения красноречиво свидетельствовал восторженный прием, оказанный виднейшему деятелю либеральной оппозиции генералу Лафайету во время его поездки по городам Юго-Восточной и Восточной Франции в августе и сентябре 1829 г. Особенно грандиозной была встреча в Лионе, где почти 60 тыс. человек, т. е. более половины жителей этого крупного индустриального центра, явилось его приветствовать¹³. Так же чествовали и другого видного деятеля либеральной партии Бенжамена Констана, совершавшего в это время поездку по Эльзасу¹⁴.

Рабочие, ремесленники, вообще простые люди не скрывали своего враждебного отношения к правительству. Но буржуазные либералы продолжали в своем большинстве отрицать необходимость революционных методов борьбы. Газета «*Le Globe*», например, писала: «Восстание есть самая священная из обязанностей, говорили в начале нашей революции. Легальное сопротивление есть самая священная из обязанностей, говорим мы теперь»¹⁵. «У нас есть другое оружие, — заявляла газета «*Le Constitutionnel*». — Законы и дух великого народа способны оказать более сильное сопротивление абсолютизму, чем восстание». Лучшее средство — отказ от уплаты налогов: «Деньги в настоящее время сильнее пушек; нет такого деспотизма, который мог бы продержаться без денег даже три месяца»¹⁶.

Лозунг финансового бойкота был тотчас же подхвачен либеральной буржуазией. 11 сентября в печати появился устав ассоциации налогоплательщиков пяти департаментов Бретани. Ассоциация ставила своей целью создание специального денежного фонда для помощи тем налогоплательщикам, которые откажутся от уплаты налогов, если правительство прибегнет к их взиманию без санкции палаты депутатов¹⁷.

К февралю 1830 г. такие ассоциации возникли почти в половине департаментов. Высокий членский взнос закрывал трудящимся доступ в эти организации, и они состояли исключительно из представителей имущих классов. Главной опорой движения были промышленно развитые департаменты Северной, Северо-Восточной и Восточной Франции; Запад и Юг остались почти совсем в стороне от него. Самой влиятельной из ассоциаций была парижская: к ней примкнули Лафайет, Лаффит, Бенжамен Констан и другие видные депутаты левого крыла палаты¹⁸. Правительство

¹¹ «*Journal des Débats*», 10.VIII.1829.

¹² «*Correspondance de Lamartine*», t. IV (1827—1833). Paris, 1874, p. 252—253.

¹³ E. Charavay. Le général Lafayette (1757—1834). Notice biographique. Paris, 1898, p. 460—466.

¹⁴ См. V. Glachant. Benjamin Constant sous l'oeil du guet d'après de nombreux documents inédits. Paris, 1906.

¹⁵ «*Le Globe*», 23.X.1829.

¹⁶ «*Le Constitutionnel*», 15.VIII. 1829.

¹⁷ Ch. Beslay. 1830—1848—1870. Mes souvenirs. Paris, 1874, p. 85—86.

¹⁸ «*Le Globe*», 17.X.1829.

привлекло к судебной ответственности газеты, опубликовавшие устав ассоциаций, а затем преследованиям подверглись и сами ассоциации.

20 сентября правительственная газета «*Moniteur universel*» опубликовала статью, в которой говорилось, что король может выбирать министров по собственному усмотрению, а палаты не имеют права отклонять правительственный бюджет. Во Франции, утверждала газета, единственным носителем национального суверенитета выступает король, и правительство не является органом парламентского большинства, как в США, или органом партии, как в Англии¹⁹.

Эта статья свидетельствовала о намерении нового кабинета свести на нет значение парламентских учреждений, лишить их даже той скромной роли, которая была отведена им в политической жизни страны конституционной хартией 1814 г.

Общественное недовольство усиливалось из-за тяжелого экономического положения страны. Состояние французской экономики в конце 1829 и начале 1830 г. до сих пор мало изучено. Имеющиеся в нашем распоряжении печатные источники не создают о нем вполне отчетливого представления. Но некоторые данные все же можно почерпнуть из статистики ввоза и вывоза промышленного сырья, из газетных сообщений о деятельности торговых портов и индустриальных центров.

Так, 30 декабря 1829 г. в сообщении из Сент-Этьенна — крупного центра шелкоткацкой промышленности — говорилось: «Дела идут тихо на нашем рынке; в течение нескольких месяцев наши фабрики ленточного производства заняты только частично, что вызвало более или менее ощутимое снижение цен на наше сырье». Немногим лучше обстояло дело в хлопчатобумажной промышленности Руана. 15 января 1830 г. оттуда сообщали, что продажа хлопковых изделий проходит успешно и цены держатся стойко. Но уже 23 января стало известно, что на ситценабивных фабриках приостановилось производство²⁰.

В Нанте в начале 1830 г. насчитывалось 14 тыс. безработных, что составляло около $\frac{1}{6}$ части населения. Зарботки тех, кто еще имел работу, были крайне низки, по сравнению с 1800 г. они уменьшились на 22%. За то же время цена на предметы первой необходимости повысились в среднем на 60%²¹.

Наряду с упадком промышленной активности наблюдались недостаток и дороговизна хлеба в результате неурожая 1828—1829 гг. и политики крайнего аграрного протекционизма. Правда, осенью 1829 г. цены на хлеб несколько упали, но к весне 1830 г. снова заметно повысились. Картофель все больше стал заменять трудящимся слишком дорогой для них хлеб²².

Положение безработных было ужасно. Префект департамента Сены граф де Шаброль-Вольвик в докладе правительству вынужден был признать, что единовременное пособие, выдававшееся в размере 9 фр. 60 сант. на человека и 30 фр. на семью, не могло облегчить положение нуждающихся²³. На 1 января 1830 г. во Франции, по официальным данным, насчитывалось 1586 340 нуждающихся (т. е. лиц, имеющих право на пособие по бедности). В шести промышленных департаментах Севера число зарегистрированных неимущих равнялось 349 751 на 3 288 207 жителей, т. е. один на каждые девять человек²⁴. В Париже их было 62 705 человек. Влага полуголодное существование, беднота жестоко страдала и от холода (зима 1829/30 г. оказалась на редкость суровой).

¹⁹ «*Moniteur universel*», 20.IX.1829. Чтобы замаскировать официальный характер этой статьи, ее поместили под заглавием «*Политическая смесь*».

²⁰ «*Journal du commerce*», 7, 18. 25.I.1830.

²¹ M. Giraud-Mangin. *Nantes en 1830 et les journées de juillet*. — «*Etudes sur les mouvements libéraux et nationaux de 1830*». Paris, 1932.

²² «*Journal du commerce*», 18.I.1830.

²³ «*Moniteur universel*», 13, 18.VI.1830.

²⁴ A. de Villeneuve-Bargemont. *Economie politique chrétienne*, t. I. Paris, 1834, p. 79.

Как ни старались буржуазные либералы удерживать оппозиционное движение в рамках легальной тактики (петиций, газетной полемики, ассоциаций налогоплательщиков), полиция то тут, то там наталкивалась на проявление «мятежного духа», как это именовалось на официальном языке того времени. Так, 6 сентября виноделы департамента Дуб, добивавшиеся уменьшения тяжелого налога на напитки, введенного в 1816 г., собрались в Безансоне, чтобы обсудить петицию, которую они предполагали подать префекту. Власти забеспокоились: в Безансоне были усилены военные посты, войскам был дан приказ подготовиться к выступлению, если крестьяне нападут на город. «Однако все обошлось спокойно: это была только тревога, хотя и весьма знаменательная»²⁵. 2 октября 1829 г. в окрестностях Меца были сожжены паровые мельницы и появились плакаты с угрозами по адресу мэра графа Тюрмеля и местного духовенства²⁶. В первых числах ноября в Реймсе на дверях городской ратуши были обнаружены надписи, «оскорбительные для особы короля и служителей церкви».

В ноябре и декабре 1829 г. было вынесено несколько суровых судебных приговоров лицам (преимущественно военнослужащим), обвиненным в выражении симпатий герцогу Рейхштадтскому (сыну Наполеона), в вешивании его портретов, в выпуске гравюр и продаже платков с его изображением²⁷.

Эти действия были своеобразным проявлением враждебности народа к династии Бурбонов и свидетельствовали о наличии бонапартистских иллюзий в некоторых слоях мелкой буржуазии и крестьянства, а также в армии.

3

Главным средством борьбы французских либералов против министерства Полиньяка оставалась агитация в периодической печати. Ведущую роль в ней стала играть газета «Le National», начавшая выходить 3 января 1830 г. под редакцией бывшего офицера Армана Карреля, историков Тьера и Минье. За их спиной стоял Талейран, в имении которого Рошкот и было задумано издание этой газеты²⁸. В числе ее сотрудников были писатели Мериме и Стендаль, профессор философии Кузен, экономист Пасси и другие видные представители либеральной интеллигенции.

Газета «Le National» сразу же вступила в острую полемику с реакционной печатью. Отвечая 16 января ультрароялистской газете «Drapeau blanc», которая призывала правительство к расправе с либералами и утверждала, что для этого достаточно будет «одного эскадрона кавалерии», «Le National» предсказывала, что в таком случае вся страна, как в годы революции, возьмется за оружие и тогда реакционерам несдобровать. А несколько дней спустя Арман Каррель подчеркивал, что на стороне оппозиции «если не вся нация, то значительное большинство ее»²⁹.

«Le National», выражая интересы средней и части крупной промышленной буржуазии, а также близких к ней слоев либеральной интеллигенции, высказывалась за монархию, но строго конституционную. «Король царствует, но не управляет», — так формулировал в то время свой политический идеал Тьер³⁰. Задачу либеральной оппозиции он ограничивал защитой, притом только легальными средствами, существующей конституции.

²⁵ L. Villat. Besançon en 1830. — «Etudes sur les mouvements libéraux et nationaux de 1830», p. 81.

²⁶ H. Contamine. La révolution de 1830 à Metz. — «Etudes sur les mouvements libéraux et nationaux de 1830», p. 57.

²⁷ См. «La Gazette des Tribunaux», 5.IX.1829; 14, 18—19, 22—23.I, 27.II.1830.

²⁸ G. Lacour-Gayet. Talleyrand. 1754—1838, t. III. Paris, 1932, p. 215—216.

²⁹ A. Carrel. Oeuvres politiques et littéraires, mises en ordre par Littré et Paulin, t. I. Paris, 1857, p. 16.

³⁰ E. Hatin. Histoire politique et littéraire de la presse..., t. VIII, p. 5.

Ссылаясь на опыт революции 1789—1794 гг., редакция «Le National» утверждала, что провозглашение республики восстановит против Франции монархические державы, которые не сложат оружия до тех пор, пока не добьются реставрации королевской власти. По тем же соображениям газета выступала против конфискации собственности земельной аристократии. Такая мера опасна и потому, что она может «потрясти принцип собственности земельной аристократии, поднять против нее неимущие, низшие слои населения» и привести к появлению «какого-нибудь нового Бабефа»³¹.

В этих рассуждениях ясно виден страх буржуазных либералов перед народными массами, перед возможным повторением бурных событий времен революции конца XVIII в.

Постепенно тон газеты становился более решительным и даже угрожающим по адресу царствующей династии. Напоминая о событиях так называемой «славной революции» 1688 г. в Англии, газета писала 12 февраля: «Все произошло тогда в полном спокойствии... Одной династией стало меньше, ее заменила другая. Царствующая династия не умела править обновленным обществом — тогда выбрали другую, которая сумела это сделать лучше. Англия была тогда столь мало революционной, что... она выбрала фамилию, находившуюся в самом близком родстве к свергнутому монарху». Эти слова звучали как откровенный призыв к замене Бурбонов Орлеанами.

3 апреля судом парижской исправительной полиции издатель газеты Сотеле был приговорен к трем месяцам тюрьмы и к штрафу в 1 тыс. фр.; суд постановил уничтожить две статьи, опубликованные в «Le National». За несколько дней до этого редактор газеты «Le Globe» был приговорен к четырехмесячному тюремному заключению и к штрафу в размере 2 тыс. фр. за статьи, напоминавшие о том, что династия Бурбонов дважды была навязана французскому народу победоносными войсками европейских коалиций³².

В отличие от конституционалистов-роялистов и умеренных либералов, продолжавших надеяться на мирный исход конфликта между министерством и оппозицией, демократы и республиканцы готовились к решительной борьбе с правительством.

Еще в 1826 г. группа республиканской интеллигенции во главе с бывшими карбонариями — студентом Годфруа Кавеньяком, литератором и издателем Шарлем Тестом, доктором Трела — организовала в Париже тайные революционные комитеты. Они получили название «Муниципалитетов» («Municipalités») и должны были в случае победоносной революции взять в свои руки власть в округах столицы. Во главе всей организации стояла «Центральная коммуна»³³.

Самым активным из руководителей этой организации был 29-летний Годфруа Кавеньяк. Он преклонялся перед деятелями первой республики, страстно мечтал о новой революции и новой республике, участвовал во всех революционных заговорах 20-х годов, а затем в тайных обществах 30-х годов³⁴.

Видную роль в новой организации играл Трела, профессор гигиены в «Атенеи». Еще студентом он примкнул к революционному движению, был одним из основателей и руководителей общества карбонариев, а в

³¹ A. Carrel. Oeuvres politiques et littéraires..., t. I, p. 23—24.

³² «La Gazette des Tribunaux», 20.III, 5.IV.1830.

³³ «Procès des quinze». Paris, 1832, p. 22—25. Документация, которой мы располагаем, содержит лишь очень скудные данные о структуре, программе и деятельности этой организации. Она была попыткой возродить на новой, более демократической основе тайное революционное общество карбонариев.

³⁴ «Революции — единственные страницы в истории, ради которых стоит открывать и читать ее книгу», — писал он в 1833 г. в сборнике «Paris révolutionnaire». — Цит. по кн.: G. Weill. Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870. Paris, 1928, p. 38.

1827 г. — общества «Помогай себе сам, и небо тебе поможет» («Aide-toi, le ciel t'aidera»).

Среди членов организации был и адвокат парижской судебной палаты барон де Шонен, возглавлявший «муниципалитет» VII округа. Де Шонен вел двойную игру: республиканцам он говорил, что стоит за республику, орлеанистам — что он орлеанист. Разногласия между республиканцами и орлеанистами обрекли на неудачу предпринятые в декабре 1829 г. и январе 1830 г. попытки некоторых деятелей этой организации объединить карбонарские группы.

В начале января 1830 г. в Париже возникла другая, более разветвленная революционная организация — «Патриотическая ассоциация», созданная газетой «La Tribune des Départements». Члены ассоциации, в большинстве своем студенты, запасались оружием и готовились к вооруженному сопротивлению любой попытке правительства отменить хартию. Готовясь к революции, которую со времени образования министерства Полиньяка они считали неизбежной, члены этой организации ставили перед собой двоякую цель: с одной стороны, не допустить того, чтобы революция была использована «к выгоде новой аристократии и в ущерб народу», а с другой — помешать возможным «эксцессам» со стороны народа, жертвой которых могли бы оказаться приверженцы старой монархии и вообще «верхи» общества. «В самое короткое время, — рассказывает один из членов ассоциации, — наши венты распространились среди граждан всех классов — среди депутатов, военных, рабочих и студентов»³⁵.

Во главе организации стоял Центральный комитет из трех студентов — Дантона, Морери и Сампуаля. В главнокомандующие прочили генерала Лафайета. Огюст Фабр, главный редактор «La Tribune des Départements», выработал политическую программу, которую предполагалось осуществить после свержения Бурбонов. Она предусматривала создание временного правительства, проведение выборов в Учредительное собрание (двухстепенных и на основе имущественного ценза), принятие новой конституции. Проект ее, разработанный Фабром, превращал Францию в республику с двумя законодательными палатами. Намечалось ввести суд присяжных, установить свободу печати и всех религиозных культов, восстановить национальную гвардию, осуществить выборность значительной части младшего и среднего командного состава армии. Предполагалось также провести финансовые реформы, которые должны были несколько улучшить положение народных масс и осуществить давнишнюю мечту мелкой и средней буржуазии о «дешевом правительстве»: отменить почти все косвенные налоги, гражданский лист, пересмотреть государственные пенсии, установленные с начала Реставрации, сократить оклады чиновникам, освободить промышленность от фискальных и иных стеснений с целью «лучшего распределения труда»³⁶.

Буржуазная умеренность программы республиканцев из «La Tribune des Départements» очевидна. Их идеалом была буржуазная республика в духе жирондистов. Революционный демократизм якобинцев 1793—1794 гг. был совершенно чужд группе Фабра.

Часть республиканцев левого крыла группировалась вокруг члена палаты депутатов Вояе д'Аржансона, старого демократа, убежденного эгалитариста, защитника интересов плебейских масс, и его друга Шарля Теста, книготорговца, дом которого в Париже (его называли «Домик якобинцев» — «La Jacobinière») служил местом, где во второй половине 20-х годов собирались многие демократы³⁷. Сторонники Вояе д'Аржансона не

³⁵ A. Fabre. La révolution de 1830 et le véritable parti républicain, t. I, p. LXVII. Есть основание полагать, что и эта организация была основана участниками движения карбонариев 1820—1823 гг.

³⁶ A. Fabre. La révolution de 1830..., p. LXV—CXLI.

³⁷ G. Weill. Histoire du parti républicain..., p. 34.

имели своего органа печати. Совсем в стороне от политической борьбы стояли немногочисленные последователи Сен-Симона и Фурье.

Республиканские кружки начала 1830 г. состояли преимущественно из студентов, молодых адвокатов, врачей и начинающих журналистов. Они не смогли вырвать из рук влиятельных и хорошо организованных либералов руководство тем широким оппозиционным движением, которое малопомалу охватило всю страну. Но именно из этих кружков — особенно из «Патриотической ассоциации», поддерживавшей связь с рабочими, — вышла большая часть тех деятелей, под руководством которых народные массы в июле 1830 г. опрокинули в вооруженной борьбе монархию Бурбонов.

4

Обострение политического положения во Франции вызывало серьезное беспокойство в правящих кругах других европейских государств. Иностранные дипломаты, аккредитованные при французском дворе, отмечали в своих донесениях напряженность ситуации во Франции, вызванную борьбой между министерством и оппозицией, и с тревогой писали о возможности крупных осложнений.

Особенно много и часто писал об этом посол Николая I генерал граф Поццо ди Борго. Честолюбивый авантюрист, корсиканец по происхождению, бывший член французского Учредительного собрания, он занял в 1814 г. пост русского посла в Париже³⁸.

Человек умный и проницательный, хорошо разбиравшийся в окружающей обстановке. Поццо ди Борго понимал, что политика крайней реакции чревата для Карла X и монархии Бурбонов грозными опасностями³⁹. Уже в первые недели существования министерства Полиньяка Поццо ди Борго, характеризуя главу кабинета как человека педаляющего и узколобого, «всецело находящегося под влиянием попов и иезуитов», предсказывал, что палата выступит против министерства, что король прибегнет тогда к отмене действующей конституции, а это «поставит династию в опасное положение»⁴⁰. В другой депеше посол утверждал, что нарушение хартии вызовет «настоящее сопротивление» и приведет к «гражданской войне, которую король не сможет долго вести»⁴¹.

Антиконституционные планы французского кабинета находили самую полную поддержку со стороны австрийского посла в Париже графа Анпони. «Торжество роялистов, — писал он 2 апреля 1830 г. Меттерниху, — не может быть обеспечено иначе, чем посредством радикальной реформы избирательного закона и закона о печати, но добиться этого результата можно только путем применения чрезвычайных мер»⁴². Закулисное влияние Анпони при Тюильрийском дворе не было тайной для парижан и служило в глазах оппозиции лишним аргументом против министерства Полиньяка. Газета «*Journal des Débats*» поместила статью, полную резких выпадов против австрийского посольства за его вмешательство во внутренние дела Франции и поддержку ультрароялистов⁴³. Карл X на приеме во дворце публично выразил по этому поводу свое сочувствие Анпони.

5

2 марта 1830 г. открылась долгожданная сессия обеих палат. Карл X в своей тронной речи высказал недвусмысленные угрозы по адресу либе-

³⁸ P. Ordioni. Pozzo di Borgo, diplomate de l'Europe française. Paris [1935], p. 241.

³⁹ См. С. М. Соловьев. Поццо ди Борго и Франция в начале 2-й четверти XIX в. (рукопись, хранящаяся в ЦГИАЛ, д. 41, ф. Соловьевых).

⁴⁰ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 9166, депеша № 68 от 25.VIII/6.IX.1829, л. 43—45.

⁴¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 9167, депеша № 96, от 15/27.XI.1829, л. 316.

⁴² E. de Guichen. La Révolution de juillet et l'Europe. Paris [1916], p. 51—57.

⁴³ «*Journal des Débats*», 18.II.1830.

ральной оппозиции, которую обвинял в «преступных замыслах» против правительства ⁴⁴.

Первые же выступления в палате депутатов показали враждебное отношение большинства ее членов к министерству Полиньяка. Председателем палаты был избран Ройе-Коллар, заместителями и секретарями — депутаты, принадлежавшие к различным группам либеральной оппозиции. Таков же был результат выборов председателей и секретарей всех девяти бюро палаты. Лишь с большим трудом удалось умеренным либералам убедить председательствовавшего на первых заседаниях старейшину палаты Лаббэ де Помпьера вычеркнуть из текста своей речи то место, в котором депутатам предлагалось повторить знаменитую клятву, данную в Зале для игры в мяч 20 июня 1789 г. 9 марта, уступая председательское место Ройе-Коллару, де Помпьер приветствовал его как человека, известного своей преданностью хартии, причем назвал его праздником, что вызвало смех и ропот на скамьях правой.

В состав комиссии по выработке проекта ответа на тронную речь вошли девять депутатов оппозиции. Проект этот содержал определенный, хотя и облеченный в лояльную монархическую форму, выпад против министерства. «Несправедливое недоверие к чувствам и разуму Франции, — говорилось в ответе, — составляет в настоящее время основную черту политики правительства. Ваш народ удручен этим недоверием, ибо оно оскорбительно для него; он обеспокоен им, ибо оно упрощает его свободам». Король должен сделать выбор между министерством и народом — таков вывод, к которому пришли авторы этого документа ⁴⁵.

16 марта открытым поименным голосованием ответный адрес палаты был принят большинством в 40 голосов: 221 депутат голосовал за, 181 — против ⁴⁶.

Характерен социальный и политический состав того парламентского большинства, которое приняло эту декларацию ⁴⁷. 145 депутатов оппозиции — это крупные промышленники, банкиры и землевладельцы, будущие министры, пэры и депутаты буржуазной монархии Орлеанов. Среди них мы встречаем видных представителей французского капитала того времени: банкира Жака Лаффита и его брата гаврского негоцианта, банкира Казимира Перье и трех его братьев, управляющего Французским банком и председателя парижской Торговой палаты Жака Лефевра, крупных промышленников и банкиров — Вассалья, Делессера, Терно, Берафа, Одье, эльзасского мануфактуриста Оберкампа, фабриканта сукон в Седане Кюнен-Гридена, металлургического магната Пайяра-Дюклера (его состояние оценивалось в 2—3 млн. фр.), парижского типографа Дидо, промышленника из департамента Авейрон Юманна, бордоского предпринимателя Боска, лионских оптовых торговцев Кудерка и Эмбло-Контэ, судостроителя и судовладельца из Дюнкерка Мореля.

Буржуазная интеллигенция была представлена в этом списке такими видными деятелями либеральной и конституционно-роялистской партий, как Гизо, Ройе-Коллар, Бенжамен Констан, генерал Лафайет, Дону, адвокат Дюпен-старший и его брат экономист Шарль Дюпен, адвокат Дюпон де л'Эр, академик Тенар, публицисты Корменен и Моген, поэт и драматург Этьенн, издатель газеты «Journal des Débats» Бертен де Во, профессор права Баву.

К декларации палаты присоединились также многие бывшие наполеоновские генералы — Жерар, Ламарк, Лобо, Себастиани, Клозель, Матье-Дюма, Демарсэ и др. Голосовали за нее и некоторые бывшие министры Реставрации (Мартиньяк, барон Луи, Гид де Невилль и еще трое), а так-

⁴⁴ C. L. Lesur. *Annuaire historique universel pour 1830*. Paris, 1832, p. 6—7.

⁴⁵ C. L. Lesur. *Annuaire...*, appendice, p. 2—3.

⁴⁶ «Archives parlementaires», t. 61, p. 568—607.

⁴⁷ Приводимые ниже данные почерпнуты из брошюры: «Biographie impartiale de 221 députés, précédée et suivie de quelques documents curieux». Paris, 1830.

же 66 должностных лиц судебного ведомства. Против ультрароялистского министерства выступило и несколько депутатов, принадлежавших к крупным землевладельцам страны (всего выходцев из дворянства было среди «221» более 50).

Декларация палаты депутатов вызвала со стороны реакционных кругов резкие выпады и новые угрозы по адресу парламентской оппозиции⁴⁸.

17 марта совет министров собрался, чтобы обсудить ответ палаты на тронную речь. Присутствовавший на заседании король заявил, что он никогда не подчинится притязаниям оппозиции, что он решил сохранить существующий кабинет и намерен распустить непокорную палату. Было все же решено пока не распускать палату, а лишь отсрочить на полгода ее заседания. Это мотивировалось необходимостью дать правительству и его агентам на местах время подготовиться к новым выборам. 19 марта законодательная сессия была отложена до 1 сентября.

Оппозиция ответила на отсрочку заседаний палаты банкетами в честь «221». Первый такой банкет состоялся в Париже 1 апреля. Он был организован по инициативе комитета общества «Помогай себе сам, и небо тебе поможет» и привлек 700 участников. Банкет прошел под лозунгом борьбы за «согласие между тремя органами власти — конституционным королем, палатой пэров и палатой депутатов». Протесты группы республиканцев против тоста за Карла X не имели успеха. «Нам чествовать королевскую власть! — с негодованием воскликнул Годфруа Кавеньяк, обращаясь к организатору банкета либеральному адвокату Одилону Барро. — Нет, никогда! Если мы не можем помешать подобной низости, мы готовы встать и разбить наши стаканы в знак протеста»⁴⁹. Но большинство присутствовавших поддержало Одилона Барро, обратившегося с увещеваниями к Кавеньяку.

Хотя раскола в антиправительственном лагере удалось избежать, в этом эпизоде ясно проявилась слабость демократического крыла оппозиции. Подобные банкеты состоялись и в провинции. В честь «221» чеканились особые медали. Имена этих депутатов приобрели широкую популярность.

6

Правительство упорно продолжало считать, что круг недовольных ограничивается оппозиционными депутатами и либеральными журналистами, но своими действиями само увеличивало число своих противников. Экономическая политика министерства задевала интересы широких слоев мелкой буржуазии. Так, например, ордонанс префекта полиции от 6 февраля 1830 г. о мелочной торговле, введший для нее ряд ограничений и стеснений (запрещение торговать на улице, покупать фураж непосредственно у крестьян и т. д.)⁵⁰, озлобил не только торговцев, но и малоимущего потребителя. Торгово-промышленные круги буржуазии были недовольны тем, что правительство, ликвидировав ордонансом от 8 августа 1829 г. особое министерство торговли и мануфактур, ордонансом от 8 декабря того же года подчинило бюро торговли и колоний непосредственно председателю совета министров⁵¹. Те же круги почувствовали себя задетыми ордонансом 29 мая 1830 г., назначавшим ультрароялиста Аккара пожизненным почетным председателем парижского коммерческого суда; ввиду того, что должность эта замещалась обычно путем выборов, суд признал ордонанс 29 мая незаконным⁵². Увольнение в отставку директора

⁴⁸ «La Quotidienne», 18.III.1830.

⁴⁹ G. Weill. Histoire du parti républicain..., p. 21.

⁵⁰ «Moniteur universel», 7.II.1830.

⁵¹ «Moniteur universel», 9.VIII, 10.XII.1829.

⁵² «Moniteur universel», 30.V.1830; «La Gazette des Tribunaux», 21—22.VI.1830.

управления гербового сбора Кальмона за то, что он голосовал в палате за адрес «221», вызвало сильное недовольство среди нотариусов столицы⁵³.

Вопреки хвастливому утверждению Полиньяка о процветании, которое якобы царило в стране, промышленность переживала серьезные затруднения, торговля находилась в упадке. Широкие слои населения в городе и деревне страдали от непомерной тяжести налогов. Особенно велико было недовольство среди крестьян-виноделов Юга, где имели место случаи отказа от уплаты налогов. 10 марта исправительный суд Мон-де-Марсана (департамент Ланд) вынес, например, обвинительный приговор по делу Доза-старшего, землевладельца из коммуны Парлебоск, за отказ от погашения налоговой задолженности и вооруженное сопротивление сборщику податей⁵⁴.

Интересно отметить, что примерно в это же время вышла в свет брошюра некоего Паки «Жизнь Гемпдена или об отказе от уплаты налогов»⁵⁵. Рассказывая об отказе Гемпдена в 1636 г. от уплаты незаконной корабельной подати, сыгравшем некоторую роль в подготовке английской революции, Паки рекомендовал применить такую же тактику в борьбе с правительственным произволом и во Франции.

Собравшаяся в Париже группа виноделов в начале июля представила правительству петицию, в которой жаловалась на возраставшую тяжесть налога на вино и указывала, что если в 1814 г. они уплатили казне 40 млн. фр., то в 1830 г. они должны будут уплатить 109,5 млн. фр., не считая 31 млн. городских пошлин и 13 млн. дополнительных издержек. Они добавляли, что налог на вино составляет почти $\frac{1}{2}$ общей суммы государственных доходов⁵⁶.

Дороговизна хлеба продолжала возрастать. Если в феврале 1830 г. 1 гл пшеницы в департаментах первого пояса стоил 20 фр. 51 сант., то к концу мая он поднялся в цене до 22 фр. 99 сант. За то же время в департаментах второго пояса он вздорожал до 26 фр. 84 сант.⁵⁷. На этой почве в ряде мест произошли голодные волнения, выражавшиеся в нападениях бедноты на хлебные магазины и склады. В некоторых местах волнения принимали политический характер, сопровождалась вынадами против властей и угрозами по адресу правительства.

Возбуждение в стране еще более усилилось под влиянием известий о пожарах, опустошавших деревни Нормандии. Оппозиционная печать обвиняла министерство в бездействии и даже в попустительстве поджигателям. Со своей стороны ультрароялисты обвиняли либералов в том, что это они подстрекают к поджогам, чтобы восстановить население против правительства. Крестьяне вооружались для охраны своих ферм. Правительство долгое время не принимало решительных мер, хотя с 28 февраля по 30 июня 1830 г. только в департаментах Кальвадос и Манш было зарегистрировано 178 поджогов. Пожары прекратились лишь после того, как на место действия прибыли войска. Теперь можно считать более или менее установленным, что эти поджоги были большей частью делом рук агентов страховых компаний, стремившихся увеличить число своих клиентов. Но в напряженной политической обстановке того времени эти загадочные пожары давали пищу для противоправительственной агитации⁵⁸. «В 1790 г. жгли замки, а в 1830 г. пришла очередь наших хижин», — с возмущением говорили крестьяне⁵⁹.

⁵³ «Moniteur universel», 3.IV.1830; «Journal des Débats», 4.IV.1830.

⁵⁴ «La Gazette des Tribunaux», 19.III.1830.

⁵⁵ Paquis. Vie de Hempden ou du refus de l'impôt. Paris, 1830.

⁵⁶ «Journal des Débats», 6.VII.1830.

⁵⁷ «Journal du commerce», 2.VI.1830.

⁵⁸ F. B. Artz. La crise des assurances en 1830 et les compagnies d'assurance. — «Revue d'histoire moderne», mars — avril 1929, p. 97, 99—105.

⁵⁹ «Procès des ex-ministres». Avallon, 1830, p. 124.

Политическая атмосфера в стране становилась все более напряженной. Газеты сообщали о раскрытии в провинции нескольких республиканских групп, готовивших свержение монархии Бурбонов⁶⁰.

Либерально настроенная английская аристократка леди Морган в своих путевых заметках о Франции 1829—1830 гг. отмечала бессилие старого дворянства восстановить свое бывшее привилегированное положение и подчеркивала ненависть к аристократии, глубоко укоренившуюся в массе французского народа. «14 млн. покупателей национальных имуществ,— писала она,— хотят добиться обеспечения своего положения. 28 млн. французов требуют, чтобы их навсегда избавили от домогательств церкви, добивающейся восстановления десятины, и от пошлой тирании миссионеров, которые жаждут воскрешения церковных злоупотреблений и стремятся к этому через грубый обман народа»⁶¹.

Книга леди Морган, тотчас же переведенная на французский язык, наделала много шума во Франции: реакционеры писали опровержения, утверждая, что Франция, изображенная в этой книге, не имеет ничего общего с подлинной Францией.

Наряду с «левением» либеральной буржуазии и революционизированием народных масс наблюдалось усиление фронды среди некоторых групп дворянства.

Дневник маршала Кастеллана за 1830 г. дает яркое представление о росте недовольства политикой короля и правительства среди высшего общества столицы, отчасти даже в кругах придворной аристократии. «Видимо, министерство стоит очень низко в общественном мнении, если даже такой царедворец, как герцог де Муши, считает возможным быть в оппозиции»,— замечает в своем дневнике Кастеллан. Отмечая попытки военного министра завоевать расположение офицеров парижского гарнизона банкетами, Кастеллан перечисляет полки, офицеры которых отказались на них присутствовать⁶².

Рост антиправительственных настроений в армии отмечали и другие наблюдатели. 25 апреля генерал Ревбелль адресовал главе английского кабинета Веллингтону записку, в которой писал, что Франция идет «гигантскими шагами к республике» и что «правительство не может даже рассчитывать на армию, чтобы предупредить эту катастрофу». Анализируя социальный состав и политические настроения французской армии, Ревбелль доказывал, что не только в линейных полках, но и в гвардейских частях преобладают люди либерального образа мыслей, что между младшим и средним офицерством, с одной стороны, и высшими командирами — с другой, существует открытая рознь, обусловленная различием происхождения и противоположностью взглядов, что гвардейские офицеры, принадлежащие к дворянству, не знают своих солдат и не пользуются среди них никаким авторитетом⁶³.

Сильное недовольство вызывал как среди широких слоев населения, так и в кругах либеральной буржуазии и интеллигенции открытый союз между монархией и церковью. Новым проявлением его была официальная церемония перенесения мощей «святого» Венсан де Поля, состоявшаяся в Париже 24 апреля 1830 г. Усиление борьбы против клерикализма объяснялось тем, что за время Реставрации католическое духовенство успело снова занять видное положение в стране. Число религиозных братств и монашеских орденов росло с каждым годом. Крепла и материальная база католической церкви. Буржуазия с возрастающей тревогой смотрела на то,

⁶⁰ А. И. Тургенев писал в это время К. Я. Булгакову: «К. Гагарин пишет ко мне из Парижа, что 26 марта на всех пунктах Франции должен был открыться заговор в пользу трехцветного знамени и на разрушение Бурбонов; но не удалось». — «Письма Александра Тургенева Булгаковым». М., 1930, стр. 185.

⁶¹ Lady Morgan. La France en 1829 et 1830. Paris, 1839, t. I. p. 363—365, 393; t. II, p. 4—5.

⁶² «Journal du maréchal de Castellane», t. II, p. 318—320, 338.

⁶³ A. Wellington. Memoirs, Letters and Despatches, vol. VII. London, p. 5—6.

как громадные капиталы уплывали из ее рук и переходили в карманы духовенства.

В народных массах ненависть к алчным и развращенным иезуитам, так ярко отразившаяся в песенках Беранже, обострялась с каждым днем. Близость иезуитов к королевскому двору способствовала широкому распространению слухов, что Карл X сам вступил в этот орден, тайно принял сан епископа и служит мессу у себя во дворце. Издавались брошюры, в которых Карл X уподоблялся Карлу IX — виновнику Варфоломеевской ночи.

7

16 мая 1830 г. был опубликован ординанс о роспуске палаты депутатов и о назначении новых выборов на 23 июня в окружных коллегиях и на 3 июля в департаментских. Новая палата должна была собраться 3 августа ⁶⁴.

19 мая два министра — Шаброль и Курвуазье, возражавшие против роспуска палаты и заявлявшие, что правительство еще может обеспечить себе большинство в этой последней, стоит только включить в кабинет одного или двух представителей левого центра, — получили отставку. Взамен их в министерство были введены граф Пейронне, назначенный министром внутренних дел, Шантелоз, бывший первый председатель судебной палаты в Лионе, заменивший Курвуазье на посту министра юстиции, и бывший префект департамента Сены-и-Уазы барон Каппель, для которого было создано новое министерство — общественных работ ⁶⁵. Все трое были известны как крайние реакционеры, особенно Пейронне, ярый защитник иезуитов. Эти назначения были настоящим вызовом общественному мнению.

Биржа ответила на роспуск палаты депутатов новым понижением курса государственной ренты ⁶⁶. Отмечая это, орган торгово-промышленных кругов предупреждал правительство, что биржевые курсы упадут еще ниже и уплата налогов прекратится, если оно посмеет посягнуть на конституционные свободы и порвать с хартией ⁶⁷.

Обострение политической борьбы в стране сопровождалось все более резкими нападками либеральной печати на министров, представителей местной власти, служителей церкви. Газеты сообщали о многочисленных судебных процессах против органов оппозиционной прессы, редакторы и издатели которых приговаривались к денежному штрафу и тюремному заключению ⁶⁸. Одним из подобных судебных процессов было дело о продаже запрещенных песенок Беранже, рассматривавшееся в суде парижской исправительной полиции 9 июля 1830 г. ⁶⁹

Но преследования не могли сломить либеральную прессу, тираж которой был намного выше, чем тираж газет правительственного лагеря ⁷⁰. Самой распространенной парижской газетой того времени был либеральный орган «Le Constitutionnel»: тираж его достигал 16 666 экземпляров. Столичные оппозиционные газеты широко читались в провинции, где издавались и собственные газеты либерального направления. «Либеральные газеты, имеющиеся во всех гостиницах и кафе, поддерживают молодежь

⁶⁴ «Moniteur universel», 16.V.1830.

⁶⁵ «Moniteur universel», 20.V.1830.

⁶⁶ 5%-ная рента упала со 105 фр. 40 сант. (17 мая) до 104 фр. 50 сант. (22 мая), а 3%-ная — с 82 фр. 50 сант. (17 мая) до 80 фр. 50 сант. (22 мая). К концу мая курсы несколько поднялись, но к началу июня снова упали на несколько пунктов. — «Journal du commerce», 23.V, 2.VI.1830.

⁶⁷ «Journal du commerce», 21.V.1830.

⁶⁸ «La Gazette des Tribunaux», 9, 13, 15, 17.V, 2—5, 11.VI, 2, 8, 12—13, 15.VII.1830.

⁶⁹ «La Gazette des Tribunaux», 10.VII.1830 (ввиду недоказанности обвинения подсудимый, владелец читальни и книгопродавец Блан, был оправдан).

⁷⁰ Весной 1830 г. выходившие в Париже газеты оппозиции расходились в количестве 32 929 экз. в день, а ультрароялистские — в количестве 27 866.

в состоянии постоянного возбуждения», — с тревогой докладывал министру внутренних дел префект департамента Шаранты ⁷¹.

Престиж Карла X и всей династии Бурбонов падал в широких кругах населения все ниже. 18 мая редактор газеты «Précurseur de Lyon» Морен был приговорен к 5 месяцам тюрьмы и к штрафу в 1 тыс. фр. за статью «Дофин», посвященную приезду в Лион герцога Ангулемского. Суд усмотрел в ней оскорбление по адресу наследника престола ⁷². 25 июня был осужден на длительное тюремное заключение издатель журнала «Silhouette» Беллэ за помещение карикатуры на иезуита, в котором легко было узнать Карла X ⁷³.

Дело не ограничивалось антиправительственной агитацией в печати. Возбуждение усиливалось с каждым днем и уже прорывалось наружу. Характерный эпизод, в котором отчетливо проявилось боевое настроение масс, произошел 31 мая 1830 г. В этот день герцог Орлеанский давал во дворце Палэ-Рояль бал в честь короля и королевы неаполитанских, прибывших в Париж. На празднике присутствовал Карл X со всей своей семьей. Царившее во дворце веселье было нарушено поведением опрометной толпы, собравшейся близ дворца. Раздавались крики: «Долой расшитые мундиры! Долой аристократов!». Люди из народа пели революционные песни и жгли стулья, находившиеся в дворцовом саду. С трибуны, сооруженной из досок, редактор демократической газеты «Le Corsaire» обратился с речью к народу. Отряд жандармов и людей из охранный рассеял толпу и произвел несколько арестов. «Мы танцуем на вулкане», — заметил по поводу этого происшествия один из присутствовавших на балу придворных ⁷⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают, к сожалению, возможности уточнить характер этого происшествия и выяснить, было ли оно связано с деятельностью республиканских кружков.

8

Подготовка к новым выборам сопровождалась острой борьбой в печати по вопросу о правах обеих палат, о пределах королевской власти, о полномочиях министров. И в периодической прессе, и в политических брошюрах партия ультрароялистов вела развернутое наступление на конституционные свободы, гарантированные хартией, и подготавливала общественное мнение к фактическому восстановлению полуабсолютистского режима. «La Gazette de France» пропагандировала теорию почти неограниченной королевской власти. Так, например, газета утверждала, что суверенитет принадлежит одному королю, что палата пэров и палата депутатов существуют лишь «как формы королевской власти», что король может распустить палату депутатов «так часто, как это ему заблагорассудится», что он вправе единолично «менять существующую избирательную систему» ⁷⁵.

Реакционная пресса запугивала имущие классы перспективой экономического краха в случае избирательной победы либералов. «La Gazette de France» напоминала крупным собственникам об агитации Марата, о преследованиях богатых буржуа и аристократов в годы революции, о разрушении мануфактур Ревельона и Анрио в 1789 г., о максимуме цен 1793 г. и т. п. «Красным призраком» пугала избирателей и правительственная газета «Moniteur universel» ⁷⁶.

⁷¹ F. Artz. France Under the Bourbon Restoration. London, 1931, p. 66.

⁷² «La Gazette des Tribunaux», 23.V.1830.

⁷³ «La Gazette des Tribunaux», 26.VI.1830.

⁷⁴ Австрийский посол приводит в своем дневнике интересные подробности этого происшествия. — «Vingt-cinq ans à Paris (1826—1850). Journal du comte Rodolphe Apponyi, attaché à l'ambassade d'Autriche-Hongrie à Paris», publié par E. Daudet, t. I. Paris, 1913, p. 260—262.

⁷⁵ «La Gazette de France», 2.V.1830.

⁷⁶ «La Gazette de France», 4.VI.1830: «Moniteur universel». 3.VI.1830.

Не довольствуясь идеологической обработкой избирателей, правительство пускало в ход все средства, чтобы обеспечить себе победу на выборах. Председателями департаментских избирательных коллегий были назначены почти исключительно представители старой титулованной знати, генералы, высшие чиновники, придворные, бывшие министры, пары, крупные землевладельцы, известные своими ультрароялистскими взглядами.

Министр внутренних дел Пейронне в своих циркулярах требовал от префектов сведений о поведении каждого чиновника, угрожал репрессиями тем, кто не проявит достаточного усердия, и обещал награды всем, кто докажет свою преданность правительству. Фраза: «он должен подать свой голос за кандидатов роялистов или же уйти в отставку» — часто встречается в административной переписке Пейронне этого периода. Не брезгал Пейронне и прямым подкупом избирателей. «Две стипендии, — писал он министру финансов, — испрошены префектом департамента для сыновей двух влиятельных избирателей; надо поторопиться дать их до выборов»⁷⁷.

Префекты, прокуроры, мэры и другие представители власти на местах делали все, чтобы обеспечить избрание правительственных кандидатов. Префекты самовольно исправляли списки избирателей, вычеркивали имена «неблагонадежных» и вносили имена людей, верных правительству⁷⁸.

Оппозиционная печать систематически разоблачала эти злоупотребления. Благодаря настойчивости «совещательных комитетов», созданных в ряде департаментов, многие из таких «ложных избирателей» были выявлены и вычеркнуты из списков⁷⁹.

Количество судебных дел, возбужденных в связи со всякого рода жалобами и протестами по поводу тех или иных ошибок или пробелов в списках избирателей, оказалось так велико, что 18 июня правительство постановило отложить в 20 департаментах выборы и перенести их в окружных коллегиях с 23 июня на 12 июля, а в департаментских — на 19 июля⁸⁰.

Вмешалось в избирательную кампанию и высшее духовенство. Архиепископ Альби, член палаты пэров, издал «пастырское послание», в котором клеймил адрес «221» и называл их разрушителями «самых прочных устоев социального порядка, религии и королевской власти»⁸¹.

Вопреки установившейся традиции, требовавшей от короля, чтобы он держался в стороне от борьбы партий, Карл X обратился 13 июня к населению с прокламацией, в которой порицал действия распущенной палаты, клялся в верности хартии, утверждал, что у него нет других интересов, кроме интересов народа, настаивал на необходимости сильной королевской власти и заявлял о своей твердой решимости сломить сопротивление оппозиции⁸².

Чего добивалась либеральная оппозиция, готовясь к новым выборам в палату депутатов? Кроме отставки кабинета Полиньяка, политическая программа либералов и конституционалистов-роялистов на выборах 1830 г. требовала незыблемости хартии, ответственности министров перед палатами, отмены закона 1820 г. о «двойном вотуме» крупных землевладельцев, сокращения срока полномочий палаты депутатов с 7 до 5 лет, введения областного и местного самоуправления, упразднения швейцарской наемной гвардии и восстановления национальной гвардии, удешевления государственного аппарата, обеспечения свободы культов и борьбы с клерикальным засильем, смягчения режима для печати (в частности, передачи многих ее проступков суду присяжных), расширения системы народного образования и некоторых других реформ.

⁷⁷ «Procès des ex-ministres», p. 84—85.

⁷⁸ «La Gazette des Tribunaux», 9, 13, 20.VI.1830.

⁷⁹ В департаменте Па-де-Кале еще в конце апреля образовалась «Ассоциация для проверки списков избирателей и для пресечения злоупотреблений». Устав ее был опубликован в «Journal du commerce», 25.IV.1830.

⁸⁰ «Moniteur universel», 19.VI.1830.

⁸¹ «Journal des Débats», 22.VI.1830.

⁸² «Moniteur universel», 14.VI.1830.

В области экономической либеральная оппозиция добивалась уменьшения прямых и косвенных налогов, защиты прав покупателей национальных имуществ, ограничения или уничтожения такого пережитка феодализма, как система майората, запрещения духовенству приобретать земельную собственность, снижения непомерно высоких таможенных пошлин на привозное зерно, промышленное сырье и топливо, удорожавших себестоимость производства и затруднявших сбыт французских изделий на иностранных рынках, усиления мер против английской торговой конкуренции, проведения более активной колониальной политики⁸³, дипломатического признания вновь возникших государств Латинской Америки и решительной борьбы с Англией за эти новые источники сырья, рынки сбыта товаров и приложения капиталов. Осуществление всех этих требований удовлетворило бы стремления торгово-промышленных, финансовых и землевладельческих слоев буржуазии и явилось бы серьезным шагом на пути превращения монархии Бурбонов из монархии помещичьего дворянства в буржуазной аристократии в буржуазную монархию в собственном смысле слова.

Ни о введении всеобщего избирательного права, ни об уничтожении полицейско-бюрократической государственной машины, ни об отмене суровых законов против стачечного движения, против рабочих ассоциаций и профессиональных союзов, ни об установлении республиканского строя либералы даже не заикались. При этом большинство из них все еще возлагало надежды на мирную развязку борьбы. Общество «Помогай себе сам, и небо тебе поможет» в составленном Гизо циркулярном письме к избирателям от 15 апреля 1830 г. предсказывало, что правительство готовится к насильственным действиям, но допускало лишь легальное сопротивление⁸⁴.

Либеральная оппозиция противопоставляла своих кандидатов правительственным, подчеркивая, что это кандидаты буржуазии, а не землевладельческой аристократии. Так, например, в характеристике Жиро, одного из кандидатов оппозиции по департаменту Од, особо подчеркивалось, что он — «негоциант, плебей и владелец национальных имуществ» и в качестве такового «дорожит не только по своим убеждениям, но и по своим материальным интересам гарантиями, заключенными в хартии»⁸⁵.

Со своей стороны ультрароялисты открыто выступали как глашатаи политического преобладания крупных землевладельцев-дворян. «Пусть торговля получит разумную долю в представительстве, — заявляла «La Gazette de France», — это вполне справедливо и достойно. Но пусть она не стремится к большему, чем то соответствует ее значимости, иначе пострадает то, что составляет настоящую силу государства, и недвижимая собственность будет принесена в жертву собственности движимой»⁸⁶. Под недвижимой собственностью орган ультрароялистов подразумевал земельные владения крупных помещиков.

Правительство не сомневалось в своей избирательной победе. «Донесения, полученные нами от префектов, — говорил Полиньяк 13 июня графу Аппони, — вполне благоприятны; как они сообщают, мы можем быть уверены в том, что будем иметь министерское большинство по крайней мере в 30—40 голосов... Передайте князю Меттерниху, что у нас нет никаких оснований тревожиться за спокойствие Франции»⁸⁷. Такая же необоснованная уверенность владела и другими членами правительства.

⁸³ В самые последние месяцы существования правительства Реставрации (летом 1830 г.) французские войска приступили к завоеванию Алжира с целью превращения его в колонию Франции. Французская крупная буржуазия мечтала о дальнейших колониальных захватах.

⁸⁴ Ch. Pouthas. Guizot pendant la Restauration. Paris, 1923. p. 433—434.

⁸⁵ «Journal des Débats», 9.VII.1830.

⁸⁶ «La Gazette de France», 11.VI.1830.

⁸⁷ E. de Guichen. La Révolution de juillet 1830 et l'Europe, p. 93—94.

Выборы происходили в крайне напряженной политической обстановке. В ряде мест дело дошло до столкновений. Особенно накалена была атмосфера на Юге, где позиции ультрароялистов были более сильными. В Монтобане (департамент Тарн-и-Гаронна) крайние монархисты в день окружных выборов 24 июня буквально терроризировали оппозиционно настроенных избирателей, угрожали им побоями и довели одного из них до сумасшествия. Озлобленные провалом своего кандидата, ультрароялисты организовали нападение банды погромщиков на квартиру вновь избранного депутата-конституционалиста графа Прейссака, которому едва удалось избежать расправы. На место происшествия были вызваны войска, которые рассеяли погромщиков. Запуганные новыми угрозами реакционеров, местные либералы не явились на департаментские выборы, что привело к избранию ультрароялистского кандидата⁸⁸.

Острый характер носила избирательная борьба и в Бретани, где реакционные помещики издавна пользовались большим влиянием. Молодой инженер Шарль Белэ, строитель канала Нант — Брест (будущий член Парижской коммуны), описывает в своих воспоминаниях, как в день выборов в г. Генгане между ним и одним чиновником произошло столкновение, в результате которого Белэ был на некоторое время арестован. В департаменте Кот-дю-Нор боролись две кандидатуры: Белэ, видный либерал, организатор бретонской «Ассоциации налогоплательщиков», и ультрароялист де Келен, брат парижского архиепископа. За первого агитировал его сын Шарль Белэ, за второго — виконт де Сэзи. «Виконт де Сэзи, — рассказывает Шарль Белэ, — имел заметные преимущества передо мной: он говорил на бретонском наречии, пользовался поддержкой духовенства, был отпрыском влиятельной в этих местах фамилии. Со своей стороны я знал благодаря деловым отношениям каждого из избирателей, которых мы посещали, и был в курсе материальных дел, которые близко затрагивали тех, кто живет торговлей или имеет какое-либо предприятие». Обе стороны старались заручиться поддержкой зажиточной части крестьянства. Случалось, что виконт и инженер одновременно появлялись на той или иной ферме, где за стаканом сидра поочередно излагали хозяину свои программы. «Дело заканчивалось почти всегда в мою пользу», — добавляет Белэ⁸⁹. Департамент Кот-дю-Нор выбрал кандидата оппозиции.

Выборы принесли победу оппозиции. Она получила 270 мест из 428. Ни вмешательство короля, ни махинации Полиньяка и Пейроне, ни административное давление, ни прямое насилие не смогли помешать торжеству конституционалистов-роялистов и либералов. Все депутаты прежней палаты, выразившие 16 марта недоверие министерству Полиньяка, были избраны вновь.

Биржевые круги встретили результаты выборов с большим удовлетворением. Курс государственных бумаг на парижской бирже заметно повысился⁹⁰. Победа либералов была отпразднована ими в Париже и в провинции на многочисленных банкетах, которые прошли под лозунгом верности королю и хартии.

Оппозиция торжествовала, считая, что избирательная победа решает все. «Выборы произошли, и у министерства не остается больше никакой надежды: его дело проиграно безнадежно», — ликующим тоном заявляла «Journal des Débats». Министерство доказало свое бессилие и должно те-

⁸⁸ «La Gazette des Tribunaux», 11.VII.1830.

⁸⁹ Ch. Beslay. 1830—1848—1870, p. 102—103.

⁹⁰ Это видно из следующей таблицы, составленной на основании официального бюллетеня биржи («Journal du commerce», 1, 6, 16, 21.VII.1830):

	30 июня	5 июля	15 июля
Курс 5%-ной ренты	104,25 фр.	105,40 фр.	105,60 фр.
Курс 3%-ной ренты	78,25 »	80,70 »	79,05 »

перь подать в отставку. «Этот совет подсказывают ему благоразумие и здравый смысл»⁹¹. «Наше торжество вполне достаточно, Франция исполнила свой долг,— писал Гизо Амедею Тьерри.— Теперь надо воспользоваться нашим успехом. Это трудно, но я все же надеюсь, что мы избежим государственных переворотов»⁹².

Иначе оценивало создавшуюся обстановку левое, демократическое крыло буржуазной оппозиции. Подводя итоги выборам, газета «*La Tribune des Départements*» указывала, что большинство вновь избранных депутатов — люди весьма умеренных политических взглядов. Если бы демократические слои населения пользовались избирательным правом, заявляла газета, они выбрали бы более радикально настроенных людей. Народ страдает, «но ему столько раз говорили, что он должен ждать облегчения своих бед от палаты, что, осуждая слабость депутатов, он продолжает все же ждать. Но чего же будет он ждать, если палата будет разогнана?.. Может ли хоть один здравомыслящий человек вообразить, что во Франции можно установить чистый абсолютизм вроде того, какой существует в Испании и Португалии? Нет, конечно. Поэтому ни один человек, способный разбираться в политических вопросах, не должен советовать короне путь государственных переворотов, ибо не может не знать, какие плачевные последствия могут иметь для нее его советы»⁹³. Редакция этой буржуазно-демократической газеты, ближе стоявшая к массам и лучше осведомленная об их настроениях, таким образом, не только предостерегала правительство против нарушения конституции, но и предсказывала возможность революции.

Вопреки надеждам либералов Полиньяк не собирался уходить в отставку. Поражение на выборах лишь побудило двор и правительство прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы сломить сопротивление оппозиции. В связи с этим ультрароялистская пресса поставила перед собой задачу доказать, что результаты выборов не отражают воли страны. «Нет, Франция не высказалась! Нет, новые выборы не выражают ни ее желаний, ни ее мнения», — утверждала газета «*La Quotidienne*»⁹⁴. Та же газета подчеркивала, что ультрароялисты не считают себя побежденными: «В самом деле, разве король отдал свою шпагу? Разве Тюильрийский дворец захвачен? Разве белое знамя заменено трехцветным? Если бы это было так, «*Le Constitutionnel*» имела бы основание радоваться, ибо это было бы ее торжеством. Но власть находится в твердых руках. Король полон решимости остаться королем и предохранить Францию от опасности порабощения ее революционерами»⁹⁵.

Читая эти строки, нельзя не удивляться тому, до чего доходила политическая слепота правящей партии. Ведь пройдет только 12 дней, и Тюильрийский дворец будет захвачен восставшим народом, белое знамя будет заменено трехцветным, Карл X свергнут, т. е. произойдут именно те события, возможность которых казалась газете совершенно исключенной.

10

Революционизирование народных масс, «левение» либеральной буржуазии, переход некоторых групп дворянства на сторону буржуазной оппозиции — таковы были процессы, которые нарастали во Франции с осени 1829 г., создавая предпосылки новой революции. К лету 1830 г. эти процессы превратились в столь важный политический фактор, что не могли не оказать существенное влияние на судьбы страны.

«Во Франции после 1793 г., — указывал В. И. Ленин, — родилась и стала неуклонно расти контрреволюционная либеральная буржуазия, но, тем

⁹¹ «*Journal des Débats*», 25.VII.1830.

⁹² Ch. Pouthas. Guizot pendant la Restauration, p. 438—439.

⁹³ A. Fabre. La révolution de 1830..., t. I, p. 96—99.

⁹⁴ «*La Quotidienne*», 19.VII.1830.

⁹⁵ «*La Quotidienne*», 17.VII.1830.

не менее, конфликты и борьба разных фракций ее в течение ста лет после того продолжали то в одной, то в другой форме служить поводами новых революций, в которых пролетариат неизменно играл роль главной движущей силы и которые он *довел* до завоевания республики»⁹⁶.

Та же мысль выражена В. И. Лениным в другой статье: «И во Франции после 1789-го года и в Германии после 1848-го года монархия, несомненно, делала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Так же несомненно, что буржуазия после обеих этих революций становилась контрреволюционной. Значит ли это, что после 1789-го года во Франции и после 1848-го года в Германии исчезала почва для «левения» буржуазии и для следующей буржуазной революции? Конечно, нет. Французская буржуазия, несмотря на свою контрреволюционность, «левела», скажем, в 1830 году, немецкая — в 1863—1864 годах... Поскольку пролетариат выступал самостоятельно и завоевывал в союзе с революционными слоями буржуазии политическую власть, свергая старую власть (как было во Франции не раз в XIX веке), постольку «левение» буржуазии оказывалось прологом новой буржуазной революции»⁹⁷.

Политический кризис во Франции летом 1830 г. осложнялся экономическими затруднениями. Упадок производства и торговли сопровождался ростом безработицы, разорением мелкой и средней буржуазии. К этому присоединялась дороговизна хлеба, вызванная истощением скудных запасов предыдущего, неурожайного года и плохими перспективами на новый урожай. Торговцы испытывали серьезные затруднения. Из Руана в начале июля писали, что продажа хлопчатобумажных тканей идет туго, фабриканты «индийских шалей» находят мало покупателей, другие товары тоже лежат без движения: «Вчера мы не сделали ничего, на рынке не было ни покупателей, ни продавцов, ни товаров. Выборы и их возможные последствия занимают умы всех и парализуют все дела. Никто ничего не решается предпринимать; все только присматриваются и все откладывают; капиталы лежат без движения и остаются без выгодного применения; все жаждутся, а между тем, если бы не политическая ситуация, дела у нас шли бы чудесно»⁹⁸.

Буржуазная революция против монархии Бурбонов, правительство которой с начала, а особенно со второй половины 20-х годов делало все новые шаги назад, по пути к абсолютистской реакции, к установлению полного политического господства дворянской аристократии, ко все большему ущемлению экономических и политических интересов буржуазии, надвигалась с неизбежностью. Объективной исторической задачей этой революции было ликвидировать усиливавшийся разрыв между экономическим базисом и политической надстройкой, привести последнюю в большее соответствие с потребностями капиталистического развития.

Факты и документы показывают, что к лету 1830 г. в стране окончательно сложилась революционная ситуация, назрели все объективные и субъективные предпосылки революции.

Политика правительства, решившего идти напролом, одним ударом свести на нет парламентские учреждения, задуть либеральную прессу, лишить торговую и промышленную буржуазию всех политических прав (даже права участия в выборах палаты депутатов), обеспечить неограниченное господство землевладельческой аристократии, ускорила наступление революции⁹⁹.

⁹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 252.

⁹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 367.

⁹⁸ «Journal du commerce», 12.VII.1830.

⁹⁹ См. А. И. Молок. Ордоансы 25 июля 1830 г. и их подготовка. — Вопросы истории, 1946, № 7.